

*Подготовила Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК ТБК*

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ЧТОБЫ ЭТО ВСЕ КОНЧИЛОСЬ ТОЛЬКО ЖИЗНЬЮ...

Литературное расследование «Легко ли быть женой гения?» - к 3 сентября 2014 года - 170-летию со дня рождения Софьи Андреевны Толстой (1844-1919), мемуаристки, жены и биографа Л.Н. Толстого (1828-1910)

Говорят, что за каждым великим мужчиной обязательно стоит незаурядная женщина, потому что даже величие нуждается во вдохновении, лучшим источником которого всегда была и будет любовь. Отношения гения и его музы бывают столь болезненными и мучительными, что кажется, будто такие союзы заключаются в аду, а не на небесах. Но без этих союзов оскудели бы и литература, и искусство, и наука, и даже политика.

Пожалуй, не существует в истории России пары, чья супружеская жизнь так активно обсуждалась бы обществом, как жизнь **Льва Николаевича и Софьи Андреевны Толстых**. Ни о ком не ходило столько сплетен и не рождалось столько домыслов, как о них двоих. Самые потаенные, интимные подробности отношений между ними подвергались пристальному рассмотрению.

И, наверное, не существует в истории России другой женщины, которую потомки так яростно обвиняли в том, что она была плохой женой и едва ли не погубила своего гениального супруга. А между тем, это - неправда! Она всю жизнь преданно ему служила и прожила ее не так, как самой бы ей хотелось, а так, как Лев Николаевич считал правильным. Другое дело, что угодить ему оказалось не просто сложно, а невозможно, потому что человек, ищущий идеала, по определению обречен на разочарование при общении с людьми.

2 сентября 2014 года, в канун 170-летия со дня рождения **Софьи Андреевны Толстой (1844-1919)**, мемуаристки, жены и биографа **Льва Николаевича Толстого (1828-1910)**, в литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК состоится небольшое литературное расследование «*Легко ли быть женой гения?*».

Давайте чуть больше прикоснемся к истории любви и семейной жизни Толстых. Вместе попробуем понять, в чем была суть конфликта между ними. Только ли в столкновения между возвышенным и реальным, между идеей и бытом? И почему нельзя с уверенностью сказать, кто в данном конфликте был прав? Возможно, у каждого из супругов была своя правда...

Когда они познакомились, ей было 18, ему - 34. Толстой искал идеал, покоря женские сердца, а Софья Берс была молодой, влюбленной и неискушенной. Поэтому их любовь не уместается в определение «роман», ей больше подходит слово «жизнь». Не этого ли хотел сам Толстой?

Давайте вместе с читателями библиотеки попробуем воздать должное великой женщине, вдохновившей прославленного гения, ведь именно ей мы, потомки, обязаны рождением его бессмертных шедевров.

Итак...

Наследник древнего рода

Граф Лев Николаевич Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 года в Ясной Поляне. Он был наследником нескольких древних родов, в семейное древо Толстых вплелись также ветви Волконских и Голицыных, Трубецких и Одоевских, причем генеалогия велась с XVI века, с времен Ивана Грозного.

Родители Льва Николаевича поженились без любви. Для отца, графа **Николая Ильича Толстого**, это была женитьба ради приданого. Для матери, княжны **Марии Николаевны Волконской**, некрасивой и уже пересидевшей в девках, - последний шанс выйти замуж.

Супружеские отношения, однако же, сложились у них трогательные и благостные. Нежность этого семейного счастья осветила все детство Льва Николаевича, матери не знавшего: она умерла от горячки, когда ему было полтора года.

Осиротевших детей воспитали тетушки **Татьяна Ергольская** и **Александра Остен-Сакен**. Они же рассказали маленькому Леве о том, каким ангелом была его покойная матушка - и умна, и образованна, и деликатна с прислугой, и о детях заботилась, - и как счастлив с ней был батюшка.

Разумеется, в рассказах этих была доля преувеличения. Но именно тогда сложился в воображении Льва Николаевича идеальный образ той, с которой он хотел бы связать свою жизнь. Любить он мог только идеал. Жениться - естественно, тоже только на идеале.

Но встретить идеал - задача мудреная, поэтому и случались у него многочисленные связи с женской прислугой в доме, с цыганками, с крестьянками из подвластных деревень.

Однажды граф Толстой соблазнил совсем невинную крестьянскую девушку, Глашу, горничную тетушки. Она забеременела, тетушка ее выгнала, родные принять не хотели, и Глаша погибла бы, если бы ее не взяла к себе сестра Льва Николаевича - Маша.

После этого случая он решил проявить сдержанность и дал себе обещание: *«У себя в деревне не иметь ни одной женщины, исключая некоторых случаев, которые не буду искать, но не буду и упускать»*. Разумеется, обещание это Толстой не выполнил, зато отныне телесные радости для него были приправлены горечью раскаяния.

Чувства выше расчета

Софья Андреевна Берс родилась 22 августа 1844 года. Она была второй дочерью врача Московской дворцовой конторы **Андрея Евстафьевича Берса** и его супруги, **Любови Александровны**, урожденной **Иславиной**, всего же в семье было восемь детей.

Когда-то доктора Берса пригласили к постели тяжело больной, практически умирающей Любы Иславиной, и он смог ее вылечить, а пока длилось лечение, врач и пациентка влюбились друг в друга. Люба могла бы сделать куда более блестящую партию, но она предпочла брак по сердечному влечению. И дочерей, Лизу, Соню и Таню, воспитала так, чтобы они ставили чувства выше расчета.

Любовь Александровна дала дочерям достойное домашнее образование, дети много читали, а Соня даже пробовала себя в литературном творчестве: сочиняла сказки, пыталась писать статьи на литературные темы.

Жила семья Берс в квартире при Кремле, но скромно, по воспоминаниям Льва Николаевича Толстого - почти бедно. Он был знаком с дедушкой Любови Александровны и однажды, будучи проездом в Москве, навестил семью Берсов. Помимо скромности быта Толстой отметил, что обе девочки, Лиза и Соня, «прелестны».

«Мне кажется, я не рожден для семейной жизни...»

Впервые влюбился Лев Николаевич относительно поздно, в двадцать два года. Объектом его чувств стала лучшая подруга сестры Маши - **Зинаида Молостова**. Толстой предложил ей руку и сердце, но Зинаида была просватана и не собиралась нарушать данного жениху слова.

Лечить разбитое сердце Лев Николаевич уехал на Кавказ, где сочинил несколько стихотворений, посвященных Зинаиде. Там он начал писать *«Утро помещика»*, герой которого организовывает в своей деревне школы и лазареты, а его прелестная супруга на все готова, чтобы помочь несчастным мужикам, и все вокруг - *«дети, старики, бабы обожают ее и смотрят на нее, как на какого-то ангела, как на провидение»*.

Второй раз влюбился граф Толстой летом 1854 года, после того как согласился стать опекуном троих осиротевших детей дворянина **Арсеньева**, и старшая дочь, двадцатилетняя **Валерия**, показалась ему тем самым долгожданным идеалом. Его встреча с Валерией

Арсеньевой случилась ровно через месяц после того, как он впервые увидел свою будущую жену Соню Берс...

Валерия с удовольствием кокетничала с молодым графом, мечтала выйти за него замуж, но уж очень разное у них было представление о семейном счастье. Толстой мечтал, как Валерия в простом поплиновом платье будет обходить избы и подавать помощь мужикам.

Валерия мечтала, как в платье с дорогими кружевами она будет разъезжать в собственной коляске по Невскому проспекту. Когда различие это разъяснилось. Лев Николаевич понял, что Валерия Арсеньева - отнюдь не тот идеал, который он искал, и написал ей почти оскорбительное письмо, в котором заявил: *«Мне кажется, я не рожден для семейной жизни, хотя люблю ее больше всего на свете».*

Целый год Толстой переживал разрыв с Валерией. В следующее лето он поехал снова ее повидать, но не испытал никаких чувств: ни любви, ни страдания, записал в дневнике: *«Боже мой, как я стар!.. Ничего не желаю, а готов тянуть, сколько могу, нерадостную лямку жизни...»*

Соне Берс, его суженой, в тот год исполнилось двенадцать лет.

Следующей любовью Льва Николаевича Толстого стала крестьянка **Аксинья Базыкина**. Она была невозможно далека от его высокодуховного идеала, и чувство свое к ней - серьезное, тяжелое - Толстой считал нечистым.

Связь их продолжалась три года. Аксинья была замужем, муж ее промышлял извозом и дома бывал редко. Необыкновенно хорошенькая собой, соблазнительная, хитрая и лукавая, Аксинья кружила мужчинам головы, с легкостью их завлекала и обманывала. *«Идиллия», «Тихон и Маланья», «Дьявол»* - все эти произведения написаны Толстым под впечатлением от чувств к Аксинье.

Аксинья забеременела примерно тогда, когда Лев Николаевич сватался к Соне Берс. Новый идеал уже вошел в его жизнь, но разорвать отношения с Аксиньей он был не в силах.

«Какая Вы ясная, простая!»

В августе 1862 года все дети семьи Берс поехали навестить деда в его имение Ивицы и по дороге остановились в Ясной Поляне. И вот тогда 34-летний граф Толстой вдруг увидел в 18-летней Соне не прелестного ребенка, а прелестную девушку... Девушку, которая может волновать чувства.

И был пикник в Засеке на лужайке, когда расшалившаяся Соня взобралась на стог и пела *«Ключ по камешкам течет»*. И были беседы в сумерках на балконе, когда Соня робела перед Львом Николаевичем, но ему удалось ее разговорить, и он с умилением ее слушал, а на прощание восторженно сказал: *«Какая вы ясная, простая!»*

Когда Берсы уехали в Ивицы, Лев Николаевич выдержал всего несколько дней в разлуке с Соней. Он ощущал потребность снова увидеть ее. Он поехал в Ивицы и там, на балу вновь любовался Соней. Она была в платье с лиловыми бантами, танцевала необыкновенно грациозно, и хотя Лев Николаевич твердил себе, что Соня еще ребенок, он ею увлекся, а потом эти свои чувства описал в *«Войне и мире»*, в эпизоде, когда князь Андрей Болконский танцует с Наташей Ростовою и влюбляется в нее.

Внешне Наташа была списана с Сони Берс: худенькая, большеботая, некрасивая, но совершенно неотразимая в сиянии своей юности.

«Я боюсь себя, что, ежели и это желанье любви, а не любовь. Я стараюсь глядеть только на ее слабые стороны, и все-таки это оно», - писал Толстой в дневнике.

Когда Берсы вернулись в Москву, он поехал вслед за ними. Андрей Евстафьевич и Любовь Александровна поначалу думали, что Толстой заинтересовался их старшей дочерью, Лизой, и с радостью его принимали, надеясь, что он вскоре посватается.

А Лев Николаевич мучился бесконечными сомнениями: *«Каждый день я думаю, что нельзя больше страдать и вместе быть счастливым, и каждый день я становлюсь безумнее».*

Наконец он решил, что необходимо объясниться с Соней. 17 сентября Толстой приехал к ней с письмом, в котором просил Соню стать его женой, и вместе с тем умолял при малейшем сомнении ответить «нет». Соня взяла письмо и ушла в свою комнату. Толстой в маленькой гостиной находился в состоянии такого нервного напряжения, что даже не слышал, когда старшие Берсы обращались к нему.

Наконец Соня спустилась, подошла к нему и сказала: «Разумеется, да!» Только тогда Лев Николаевич официально просил ее руки у родителей. Теперь Толстой был абсолютно счастлив: *«Никогда так радостно, ясно и спокойно не представлялось мне мое будущее с женой».*

Неимоверное счастье

Но оставалось еще одно: прежде чем венчаться, он хотел, чтобы у них не оставалось никаких секретов друг от друга. У Сони и секретов не было, вся ее простая юная душа была перед ним - как на ладони. Зато у Льва Николаевича они имелись, и прежде всего - отношения с Аксиньей. Толстой дал невесте прочесть свои дневники, в которых описывал все свои былые увлечения, страсти и переживания.

Для Сони эти откровения стали настоящим шоком. Прийти в себя Соне помог разговор с матерью: Любовь Александровна, хотя и была шокирована выходкой будущего зятя, но постаралась объяснить Соне, что у всех мужчин в возрасте Льва Николаевича есть прошлое, просто большинство женихов не посвящают невест в эти подробности.

Соня решила, что любит Льва Николаевича достаточно сильно, чтобы простить ему все, и Аксинью в том числе. Но тут Толстой снова начал сомневаться в правильности принятого решения, и в самое утро назначенного венчания, 23 сентября, предложил Соне еще раз подумать: быть может, она все-таки не хочет этого брака? Не может же и правда она, 18-летняя, нежная, любить его, *«старого беззубого дурака»?*

И опять Соня рыдала. Под венец в кремлевской церкви Рождества Богородицы она шла в слезах.

Вечером того же дня молодые супруги уехали в Ясную Поляну. Толстой записал в дневнике: *«Неимоверное счастье... Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью».*

Семейная жизнь, однако же, началась далеко не безоблачно.

В своих дневниках Софья сокрушалась после замужества: *«Гости очень конфузились моим присутствием, и некоторые смотрели на меня враждебно, чувствуя, что теперь кончится их близкое общение с Львом Николаевичем, который перенесет все свои интересы на семейную жизнь».*

В интимных отношениях Соня проявляла холодность и даже безразличность, которые, впрочем, вполне понятны, - она была еще совсем юна и воспитана в традициях XIX столетия, когда матери сообщали дочерям о «брачном таинстве» перед самой свадьбой, да и то в иносказательных выражениях.

Но Лев Николаевич сходил с ума от страсти к молодой жене, сердился на нее за то, что не получает отклика. Однажды во время брачной ночи у него даже случилась галлюцинация: графу почудилось, что в объятиях у него не Соня, а фарфоровая куколка, и даже край рубашечки отбит. Он рассказал о видении жене - Соня испугалась. Но изменить своего отношения к телесной стороне супружества не смогла.

Во многом это отвращение было следствием прочтения ею дневников мужа. Откровенность Льва Николаевича стала для Сони источником мучений. Особенно терзалась она из-за Аксиньи, которая продолжала приходить в господский дом, чтобы мыть полы. Соня ревновала так отчаянно, что однажды ей приснилось, как она разрывает на части ребенка, которого родила от Льва Николаевича Аксинья...

Первую беременность Соня переносила тяжело. Ее мучила постоянная тошнота, и, к огорчению Льва Николаевича, она совсем не могла бывать на скотном дворе и не посещала крестьянские дома - не могла вынести запаха.

Для беременности ей сшили «коротенькое, коричневое, суконное платье». Его заказывал и покупал сам Лев Николаевич, говоря, что за кринолином (юбка со стальными обручами) и за шлейфами он свою жену не найдет; да и неудобно такое одеяние в деревне.

В своей «*Исповеди*» Толстой писал: «*Новые условия счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня от всякого искания общего смысла жизни. Вся жизнь моя сосредоточилась за это время в семье, в жене, в детях и потому в заботах об увеличении средств жизни. Стремление к усовершенствованию, подмененное уже прежде стремлением к усовершенствованию вообще, теперь подменилось стремлением к тому, чтобы мне с семьей было как можно лучше...*»

Перед первыми родами Соня терзалась постоянным страхом, а Лев Николаевич этого страха не понимал: как можно бояться того, что естественно? Страхи Сони оказались оправданы: роды у нее начались преждевременно, были очень тяжелые и долгие. Лев Николаевич был рядом с женой, старался поддержать ее.

Соня потом писала в воспоминаниях: «*Страдания продолжались весь день, они были ужасны. Левочка все время был со мной, я видела, что ему было очень жаль меня, он так был ласков, слезы блестели в его глазах, он обтирал платком и одеколоном мой лоб. Я вся была в поту от жары и страданий, и волосы липли на моих висках: он целовал меня и мои руки, из которых я не выпускала его рук, то ломая их от невыносимых страданий, то целуя их, чтобы доказать ему свою нежность и отсутствие всяких упреков за эти страдания*».

10 июля 1863 года появился на свет первый их сын - **Сергей**. После родов Соня расхворалась, у нее случилась «грудница» и кормить сама она не могла, а Лев Николаевич был против того, чтобы брать из деревни кормилицу для младенца: ведь кормилица оставит своего собственного ребенка!

Он предлагал выкармливать новорожденного Сергея из рожка. Но Соня знала, что часто в результате такого кормления младенцы мучаются болями в животе и умирают, а Сергей был такой слабенький. Впервые она осмелилась восстать против воли мужа и потребовала кормилицу.

Через год после Сережи молодая графиня родила **Татьяну**, еще через полтора года - **Илью**, потом были **Лев, Мария, Петр, Николай, Варвара, Андрей, Михаил, Алексей, Александра, Иван**. Из тринадцати детей пятеро умерли, не дожив до зрелых лет.

Так получилось, что Софья Андреевна потеряла подряд троих малышек. В ноябре 1873 года умер от крупа полуторогодовалый Петя.

В феврале 1875 года умер от менингита Николенька, которого еще и от груди не отняли. Умерший малыш во время отпевания лежал в окружении свечей, и когда мать в последний раз целовала его - ей показалось, что он теплый, живой! И при этом она ощутила легкий запах тления. Потрясение было ужасным.

Позже всю жизнь во время нервных перенапряжений ее будут терзать обонятельные галлюцинации: трупный запах.

В октябре этого же 1875 года Софья Андреевна преждевременно родила девочку, которую едва успели окрестить Варварой, - малышка не прожила и дня.

«Без тебя все равно, как без души...»

И все же тогда ей хватило сил справиться со своим горем. Во многом благодаря поддержке мужа: первые два десятилетия совместной жизни Лев Николаевич и Софья Андреевна все-таки очень сильно любили друг друга: порой - до взаимного растворения.

О том, как ценила Толстая общение со своим мужем, свидетельствуют строки из ее письма от 13 июня 1871 года: «*Во всем этом шуме, без тебя все равно, как без души. Ты один умеешь на все и во все вложить поэзию, прелесть, и возвести все на какую-то высоту. Это впрочем, я так чувствую; для меня все мертво без тебя. Я только... то люблю, что ты любишь, и часто сбиваюсь, сама ли я что люблю или только мне нравится что-нибудь оттого, что ты это любишь*».

Своих детей Софья Андреевна воспитывала также сама, без помощи няnek и гувернанток. Воспитывала строго. Молодая и нетерпеливая, она могла накричать, дать подзатыльник. Позже она об этом сожалела: *«Дети были ленивы и упрямы, с ними трудно было, а так хотелось их побольше всему научить...»*

Она их обшивала, учила чтению, игре на фортепиано, пытаясь соответствовать идеалу жены, о котором Толстой ей не раз рассказывал. Сам он любил играть в простые игры: городки, лапту, к своим увлечениям всегда приобщал детей.

Софья Андреевна принимала у себя просителей из деревни, разрешала споры, а со временем открыла в Ясной Поляне лечебницу, где сама осматривала страждущих и помогала, насколько ей хватало знаний и умения. Все, что она делала для крестьян, на самом деле делалось для Льва Николаевича.

Софья Андреевна старалась помогать мужу и в писательских его трудах, в частности - переписывала набело рукописи: она понимала неразборчивый почерк Толстого. Часто бывавший в Ясной Поляне Афанасий Фет искренне восхищался Софьей Андреевной и писал Толстому: *«Жена у Вас идеальная, чего хотите прибавьте в этот идеал, сахару, уксусу, соли, горчицы, перцу, амбре - все только испортишь».*

Духовный кризис

На девятнадцатом году семейной жизни, после окончания работы над *«Анной Карениной»*, Лев Николаевич ощутил наступление духовного кризиса. Жизнь, которую он вел, при всем ее благополучии более не удовлетворяла Толстого, и даже литературный успех не приносил радости.

В своей «Исповеди» Толстой так описывал тот период:

«Прежде чем заняться самарским именованием, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать...»

Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: «Ну, хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..»

И я совершенно опешил и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?»

Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, - ну и что ж...»

И я ничего не мог ответить...»

Софья Андреевна практически безвыездно провела в Ясной Поляне девятнадцать лет. Иногда навещала родных в Москве. Еще ездили всей семьей в степи, на «кумыс». Но ни разу не была она за границей, ни о каких светских развлечениях, балах или театрах не могла и помыслить, не имела нарядов, одевалась просто, в удобные для деревенской жизни «коротенькие» платья.

Толстой считал, что хорошей жене всей этой светской мишуры вовсе не нужно. Софья Андреевна не осмеливалась его разочаровать, хотя ей, городской жительнице, в деревне было тоскливо и хотелось вкусить хоть немного от тех удовольствий, которые были не только позволены, но и естественны для женщин ее круга.

И когда Лев Николаевич начал искать в жизни иные ценности и некий высший смысл, Софья Андреевна почувствовала себя смертельно оскорбленной. Получалось, что все ее жертвы не только не оценили, но отбросили, как что-то ненужное, как заблуждение, как ошибку.

3 июля 1887 года она писала в дневнике:

«На столе у меня розы и резеда, сейчас мы будем обедать чудесный обед, погода мягкая, теплая, после грозы, кругом дети милые. Во всем этом я нашла благо и счастье. И вот я переписываю статью Левочки «О жизни и смерти», и он указывает совсем на иное благо.»

Когда я была молода, очень молода, еще до замужества - я помню, что я стремилась всей душой к тому благу - самоотречения полнейшего и жизни для других, стремилась даже к аскетизму. Но судьба мне послала семью - я жила для нее и вдруг теперь я должна признаться, что это было что-то не то, что это не была жизнь. Додумаюсь ли я когда до этого?»

Толстой не мог найти душевного покоя. Иногда его страдания из-за ощущения бессмысленности жизни ставили его на грань самоубийства, и он с трудом удерживался, чтобы не покончить разом со всем. Пытался найти утешение в религии - но не получилось. По крайней мере, официальная церковь не давала Льву Николаевичу того утешения, которого ждала его душа.

Собственное философское учение

И тогда он начал создавать свое собственное философское учение:

«Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь, а только подобие жизни, что условия избытка, в которых мы живем, лишают нас возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я должен понять жизнь не исключений, не нас, паразитов жизни, а жизнь простого трудового народа, того, который делает жизнь, и тот смысл, который он придает ей.

Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни. Смысл этот, если можно его выразить, был следующий. Всякий человек произошел на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее.

Задача человека в жизни - спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым».

Вникнуть в новые идеи мужа, прислушаться к нему, разделить его переживания Софье Андреевне было попросту некогда. Слишком много обязанностей было на нее возложено:

«Этот хаос бесчисленных забот, перебивающих одна другую, меня часто приводит в ошалелое состояние и я теряю равновесие. Ведь легко сказать, но во всякую данную минуту меня озабочивают: учащиеся и болящие дети, гигиеническое и, главное, духовное состояние мужа, большие дети с их делами, долгами, детьми и службой, продажа и планы самарского имения... издание новое и 13 часть с запрещенной «Крейцеровой сонатой», прошение о разделе с овсянниковским попом, корректуры 13 тома, ночные рубашки Мише, простыни и сапоги Андрюше; не просрочить платежи по дому, страхование, повинности по имению, паспорта людей, вести счета, переписывать и проч. и проч. - и все это непременно непосредственно должно коснуться меня».

Первыми последователями нового учения Толстого стали его дети. Они боготворили отца и во всем ему подражали. Будучи увлекающейся натурой, Лев Николаевич иногда выходил за грань разумного. То требовал, чтобы младших детей не учили ничему, что не нужно в простой народной жизни, то есть музыке или иностранным языкам. То хотел отказаться от собственности, практически лишив тем самым семью средств к существованию. То желал отречься от авторских прав на свои произведения, потому что считал, что не вправе владеть ими и получать от них прибыль...

Первое непонимание, первые ссоры

И всякий раз Софье Андреевне приходилось вставать на защиту семейных интересов. За спорами следовали ссоры. Супруги стали отдаляться друг от друга, еще не ведая, к каким мукам это может привести.

Если раньше Софья Андреевна не смела оскорбляться даже на измены Льва Николаевича, то теперь ей стали вспоминаться разом все былые обиды. Ведь всякий раз, когда она, беременная или только что родившая, не могла делить с ним супружеское ложе, Толстой

увлекался очередной горничной или кухаркой, а то и посылал по старой своей барской привычке в деревню за солдаткой...

Всякий раз Лев Николаевич раскаивался, что опять *«подпал чувственному соблазну»*. Но дух не мог устоять перед «искусом плоти». Все чаще ссоры завершались истериками Софьи Андреевны, когда она билась в рыданиях на диване или выбегала в сад, чтобы побыть там одной.

В 1884 году, когда Софья Андреевна снова была беременна, между ними произошла очередная ссора. Лев Николаевич пытался ей исповедаться в том, что считал своей виной перед человечеством, а ей было обидно, что перед человечеством вину он испытывает, а перед нею - никогда.

Лев Николаевич в ответ на ее обвинения на ночь глядя ушел из дома. Софья Андреевна убежала в сад, рыдала там, скорчившись на скамье. За ней пришел сын Илья, насильно увел ее в дом. К полуночи вернулся Лев Николаевич. Софья Андреевна зашла к нему в слезах: *«Прости меня, я рожая, может быть, умру»*.

Лев Николаевич хотел, чтобы жена его дослушала, - то, что он не договорил с вечера. Но слушать она не могла уже физически...

К очередным родам Софьи Андреевны в доме не относились, как к выдающемуся событию. Она же все время ходила или беременной, или кормящей. На свет появилась дочь **Саша**, с которой впоследствии у Софьи Андреевны отношения не складывались, и старшие дети считали, что мама Сашу не любит потому, что так с ней намучилась в родах. Казалось, в семье Толстых уже никогда не будет прежнего лада.

Но вот в 1886 году умер четырехлетний Алеша. Горе сблизило супругов настолько, что Толстой счел смерть ребенка *«разумной и благой. Мы все соединились этой смертью еще любовнее и теснее, чем прежде»*.

А 1888 году 44-летняя Софья Андреевна родила своего последнего ребенка, **Ивана**, которого в семье называли *«Ваничкой»*. Ваничка стал всеобщим любимцем. По общим воспоминаниям, это был очаровательный ребенок, нежный и чуткий, не по годам развитый. Лев Николаевич считал, что именно Ваничка станет истинным духовным наследником всех его идей - возможно, потому что Ваничка был еще слишком мал, чтобы высказать какое-либо негативное отношение к этим идеям.

Софья Андреевна просто безмерно обожала сына. К тому же, пока Ваничка был жив, семья жила относительно мирно и спокойно. Конечно, ссоры случались, но не такие серьезные, как до рождения Ванички. И не такие, как начались после того, как в феврале 1895 года мальчик скончался от скарлатины, не дожив до семи лет.

«Ты не одинока. Я с тобой...»

Горе Софьи Андреевны не поддавалось описанию. Близкие думали, что она помешалась. Она не желала верить в смерть Ванички, рвала на себе волосы, билась головой об стену, кричала: *«Зачем?! Зачем его отняли у меня? Неправда! Он жив! Дайте его мне! Вы говорите: «Бог добрый!» Так зачем же Он отнял его у меня?»*

Дочь Мария писала: *«Мама страшна своим горем. Здесь вся ее жизнь была в нем, всю свою любовь она давала ему. Папа один может помочь ей, один он умеет это. Но сам он ужасно страдает и плачет все время»*.

Оправиться от этой трагедии Лев Николаевич и Софья Андреевна уже не смогли. Тем более что Софье Андреевне казалось, будто муж разлюбил ее. Лев Николаевич на самом деле понимал ее чувства и сокрушался из-за того, что Софья Андреевна так страдает.

25 октября 1895 года в своем дневнике Толстой пишет:

«Сейчас уехала Соня с Сашей. Она сидела уже в коляске, и мне стало страшно жалко ее; не то, что она уезжает, а жалко ее, ее душу. И сейчас жалко так, что насилу удерживаю слезы. Мне жалко то, что ей тяжело, грустно, одиноко. У ней я один, за которого она держится, и в глубине души она боится, что я не люблю ее, не люблю ее, как могу любить всей

душой и что причина этого - наша разница взглядов на жизнь. Но ты не одинока. Я с тобой, такой, какая ты есть, люблю тебя и люблю до конца так, как больше любить нельзя».

«Не было рукопожатия, которого не могло быть при всех»

После смерти Ванички Софья Андреевна взбунтовалась. Она вдруг накупила себе нарядных платьев и модных шляпок, стала ездить в Москву на концерты и брать у друга семьи, композитора и пианиста **Александра Сергеевича Танеева**, уроки музыки. Отчего-то только общество Танеева, его игра утешали ее в первые месяцы после похорон ребенка.

А к концу весны стало ясно, что Софья Андреевна в Танеева влюблена. Влюблена постыдно и страстно. Ей было пятьдесят два года. И всем детям было стыдно, что мама так молодится и так непривычно одевается и столько времени проводит в обществе постороннего мужчины.

Лев Николаевич мучительно ревновал жену, думая то о полном разрыве с ней, то - даже о самоубийстве, ибо не мог вынести мысли, что она отдается другому. Но, наверное, настоящей бедой для Софьи Андреевны стало то, что единственным, не понимающим сути всего происходящего, оставался сам Танеев. Он продолжал думать, что всего лишь по-дружески утешает женщину в ее тяжелом горе...

Любовниками они так и не стали. И умирая, Софья Андреевна скажет своей старшей дочери Татьяне: *«Я вышла замуж восемнадцати лет... любила я одного твоего отца. Я тебе перед смертью скажу: не было рукопожатия, которого не могло быть при всех».* Рукопожатия не было, а чувства - были. Поделиться ими Софья Андреевна могла только с дневником: *«Знаю я это именно болезненное чувство, когда от любви не освещается, а меркнет божий мир, когда это дурно, нельзя - а изменить нет сил».*

Влюбленность Софьи Андреевны Толстой в Александра Танеева продолжалась несколько лет, то ослабевая, то вспыхивая с новой силой.

Последние счастливые месяцы

24 февраля 1901 года Льва Николаевича Толстого официально отлучили от церкви - за лжеучение. Софья Андреевна сделала все, чтобы поддержать мужа в этот непростой момент его жизни. Пожалуй, первые месяцы после отлучения от церкви стали последними счастливыми месяцами в супружеской жизни Толстых: они снова были вместе, и Софья Андреевна чувствовала себя нужной. Потом все кончилось. Навсегда.

Лев Николаевич стал все глубже уходить в себя. В себя - и от семьи, от жены. В духовном смысле существовал уже обособленно и разговаривал с Софьей Андреевной все меньше. Он мечтал об уходе из этой жизни - в какую-то другую. Не обязательно - в мир иной, но в другую, более правильную жизнь. Его привлекало странничество, юродство, в которых он видел красоту и истинную веру.

В роли Ксантиппы

Софья Андреевна мучилась из-за отсутствия душевной близости с мужем: *«Он ждал от меня, бедный, милый муж мой, того духовного единения, которое было почти невозможно при моей материальной жизни и заботах, от которых уйти было невозможно и некуда. Я не сумею бы разделить его духовную жизнь на словах, а провести ее в жизнь, сломить ее, волоча за собой целую большую семью, было невысказано, да и непосильно».*

Ей ведь приходилось еще переживать за детей, особенно за старших, у которых так скверно складывалась жизнь. Умер ее внук, сын Льва - маленький **Левушка**. У замужних дочерей Татьяны и Маши один за другим следовали выкидыши. Софья Андреевна металась от одного страдающего ребенка к другому, домой возвращалась душевно истерзанная.

Софья Андреевна была убеждена, что неспособность ее дочерей к благополучному материнству – результат их увлечения вегетарианством, которое пропагандировал Лев Николаевич: *«Он, конечно, не мог предвидеть и знать того, что они истощаются пищей настолько, что не в состоянии будут питать в утробе своих детей».*

...Татьяна все же смогла родить ребенка - после множества выкидышей, в сорок лет. А Маша, материна любимица, умерла от воспаления легких в 1906 году. Софью Андреевну эта утрата сокрушила. Опять вернулась бессонница, кошмары, невралгические боли и что особенно ужасно - обонятельные галлюцинации: трупный запах. Все чаще Софья Андреевна не могла сдерживать эмоций.

Взрослые ее дети обсуждали между собой, больна ли мать психически, или это просто болезненная реакция на старение женского организма и со временем пройдет.

Лев Николаевич дряхлел и хворал. Софья Андреевна скрупулезно вела записи наблюдений за его здоровьем: температура, диета, лекарства. Сокрушалась о том, что как «страстный муж» Лев Николаевич больше не существует, а «мужем-другом» он никогда ей не был и уже не станет.

Самым большим ее страхом стал - остаться в памяти не добрым гением и верной помощницей Толстого, а «Ксантиппой»: так звали супругу великого древнегреческого философа Сократа, которая прославилась своим дурным нравом.

Об этом своем страхе она беспрерывно говорила и писала в дневнике, и настоящей манией стало для нее - искать дневники Толстого, которые он теперь от нее прятал, чтобы удалить из них все негативные отзывы о себе. Если найти дневник не удавалось, Софья Андреевна со слезами умоляла мужа, чтобы он сам вычеркнул из дневника все скверное, что он в сердцах о ней писал.

Существуют свидетельства, что некоторые записи Толстой действительно уничтожил. Толстой понимал, что Софья Андреевна - несмотря на страшное их взаимное непонимание - все же сделала и продолжает делать для него очень много, однако это «очень много» было для него недостаточно, потому что Толстой хотел от жены иного: *«Она была идеальная жена в языческом смысле - верности, семейности, самоотверженности, любви семейной, языческой, в ней лежит возможность христианского друга. Проявится ли он в ней?»*

«Христианский друг» в Софье Андреевне не проявился. Она так и осталась - просто идеальной женой в языческом смысле.

«Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя»

Наконец пришел момент, когда оставаться в Ясной Поляне Толстой больше не пожелал. В ночь с 27 на 28 октября 1910 года произошла последняя, роковая ссора супругов, когда Софья Андреевна встала, чтобы проверить у мужа пульс, а Лев Николаевич пришел в бешенство из-за ее постоянного «шпионства»:

«И днем, и ночью все мои движенья, слова должны быть известны ей и быть под ее контролем. Опять шаги, осторожно отпирание двери, и она проходит. Не знаю отчего, но это вызвало во мне неудержимое отвращение, возмущение... Не могу лежать и вдруг принимаю окончательное решение уехать».

82-летнего Льва Николаевича в дорогу собирала дочь Александра, сопровождал врач **Маковицкий**. Из Шамордина Толстой отправил жене письмо: *«Не думай, что я уехал потому, что не люблю тебя. Я люблю тебя и жалею от всей души, но не могу поступить иначе, чем поступаю».*

Получив письмо. Софья Андреевна прочла только первую строчку: *«Отъезд мой огорчит тебя...»* - и сразу все поняла. Закричала дочери: *«Ушел, ушел совсем, прощай, Саша, я утоплюсь!»* - побежала через парк к пруду и бросилась в ледяную воду. Ее вытащили.

Едва обсохнув и придя в себя, Софья Андреевна принялась выяснять, куда же уехал муж, где его искать, но натолкнулась на противодействие дочери. Софья Андреевна и Александра никогда не были близки, а в эти дни стали врагами.

Между тем в поезде Льва Николаевича продуло. Началось воспаление легких. Умирал великий писатель на маленькой станции Астапово, на квартире начальника станции **Озолина**. Детей видеть не пожелал. Жену - и подавно. Потом смилостивился - принял дочерей Татьяну и Александру.

Сын Илья Львович тщетно пытался вразумить отца: *«Ведь тебе 82 года и маме 67. Жизнь обоих вас прожита, но надо умирать хорошо».*

«Мы плохо распорядились...»

Лев Николаевич умирать не собирался, планировал отъезд на Кавказ, в Бессарабию. Но ему становилось все хуже. В бреду ему чудилось, что жена его преследует и хочет забрать домой, куда Льву Николаевичу не хотелось ни в коем случае. Но в минуту прояснения сказал Татьяне: *«Многое падает на Соню, мы плохо распорядились».*

Из Астапова по всей России рассылались бюллетени о состоянии здоровья графа Толстого. В Ясной Поляне Софья Андреевна окаменела от горя и унижения: муж ушел, бросил ее, опозорил перед всем миром, отверг ее любовь и заботы, растоптал всю ее жизнь...

7 (20) ноября 1910 года Лев Николаевич Толстой скончался. Хоронила его вся Россия, хотя могилу - согласно его завещанию - сделали очень скромную. Софья Андреевна утверждала, будто Льва Николаевича отпевали по православному обряду, будто ей удалось добиться разрешения. Правда это или нет - неизвестно. Возможно, для нее просто невыносимой была мысль о том, что ее возлюбленный муж похоронен без отпевания, как преступник.

После смерти Толстого на Софью Андреевну обрушилось всеобщее осуждение. Ее обвиняли и в уходе, и в смерти писателя. Обвиняют и по сей день, не понимая, как невыносимо тяжела была ее ноша: жены гения, матери тринадцати детей, хозяйки поместья.

Сама же себя она не оправдывала. 29 ноября 1910 года Софья Андреевна записала в дневнике: *«Невыносимая тоска, угрызения совести, слабость, жалость до страданий покойному мужу... Жить не могу».* Она хотела покончить со своим существованием, казавшимся теперь бессмысленным, ненужным и жалким. В доме было много опия - Софья Андреевна думала отравиться... Но не решилась.

И остаток своей жизни она посвятила Толстому: его наследию. Завершила издание собрания его сочинений. Подготовила к печати сборник писем Льва Николаевича. Написала книгу *«Моя жизнь»* - за которую ее так же осуждали, как за фальшивую, лживую.

Пожалуй, Софья Андреевна, и правда, приукрашивала свою жизнь со Львом Николаевичем, причем не только свое поведение, но и его. В частности, она утверждала, что никого, кроме нее, Толстой никогда не любил, и *«строгая, безукоризненная верность его и чистота по отношению к женщинам была поразительна».* Вряд ли она и в самом деле в это верила.

Разбирая бумаги покойного мужа, Софья Андреевна нашла запечатанное его письмо к ней, датированное летом 1897 года, когда Лев Николаевич впервые вознамерился уйти. Тогда он своего намерения не осуществил, но и письма не уничтожил, и теперь, словно из мира иного, зазвучал его голос, обращенный к жене:

«...с любовью и благодарностью вспоминаю длинные 35 лет нашей жизни, в особенности первую половину этого времени, когда ты с свойственным твоей натуре материнским самоотвержением, так энергически и твердо несла то, к чему считала себя призванной. Ты дала мне и миру то, что могла дать, дала много материнской любви и самоотвержения, и нельзя не ценить тебя за это... благодарю и с любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мне».

Софья Андреевна Толстая умерла 4 ноября 1919 года и была похоронена на фамильном кладбище Толстых около Николо-Кочаковской церкви, в двух километрах южнее Ясной Поляны.

Дочь Татьяна в своих воспоминаниях писала: *«Мать моя пережила отца на девять лет. Она умерла, окруженная детьми и внуками. Она сознавала, что умирает. Покорно ждала смерти и приняла ее смиренно».*

«Избыточные знания» не всегда бесполезны

...Есть в гносеологии такое понятие - «избыточные знания». В шутку их обычно называют «лишними». Потому как в повседневной жизни извлечь из них сиюминутную пользу не получается. Они выходят за круг той информации, которая необходима нам для решения бытовых или профессиональных задач. Но это и есть тот самый стратегический запас, с помощью которого мы в состоянии строить и - что еще важнее - воплощать наши самые дерзкие, самые далеко идущие планы.

Биографии великих предшественников не без основания считаются одним из краеугольных камней в фундаменте таких «построек», особенно когда речь идет о личной самореализации.

Даже самые скептические натуры, открыв для себя историю любви Льва Толстого и Софьи Бернс, наверняка, уже убедились в том, что «избыточные знания» отнюдь не бесполезны. А, кроме того, история их жизни и любви - это просто увлекательное чтение.

Литература:

1. **Басинский П.** Он чувствовал себя в мышеловке: К 100- летию ухода и смерти Льва Толстого. Беседа с правнуком писателя, директором музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимиром Толстым// Российская газета. – 2010. -10 ноября. - Стр. 26 -27. (сокр. вариант)
2. **Басинский П.** Он чувствовал себя в мышеловке: К 100- летию ухода и смерти Льва Толстого. Беседа с правнуком писателя, директором музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимиром Толстым// Дружба народов. - 2010. - №11. (полный текст интервью).
3. **Гамов А.** Церковь отказалась простить Льва Толстого// Комсомольская правда. - 2010.- 19 ноября. Стр. 3.
4. **Жданов В.А.** Любовь в жизни Льва Толстого.- М.: Захаров, 2005.- 448 с.
5. **Жданов В.А.** Любовь в жизни Льва Толстого.- М.: Планета, 1993.-304 с.
6. **Жданов В.А.** Последние книги Л.Н. Толстого. Замыслы и свершения.- М.: изд-во "Книга", 1971. - 256 с.
7. **Кулешов Ф.И.** Л.Н. Толстой: (Из лекций по русской литературе 19 века). - Мн: изд-во БГУ, 1978. - 288 с.
8. Л.Н.Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857-1903). - СПб.: Наука, 2011
9. **Литвинов М.** Мамин С. Толстой и оригами// Оригами. -1997.- № 1(5).
10. **Наживин И. Ф.** Душа Толстого. Неопалимая купина: исторический роман.- М.: ИТРК, 2003.- 288 с. - (Библиотека исторического романа)
11. **Опульская Л.Д.** Роман-эпопея Л.Н. Толстого "Война и мир": кн. для учителя. - М.: Просвещение, 1987. - 176 с.
12. **Пешкова В.** Прекрасные властительницы/Виктория Пешкова: «ЖЗЛ»: 120 лет легендарной серии//ЛГ.- 2010.- № 34. - 1-7 сентября. - Стр. 4.
13. **Прокофьева Е.** Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью// Gala- Биография.- 2010. - №5. - Стр. 28-42.
14. **Тарасов А. Б.** Моделирование мира праведничества: тезаурусная парадигма Л. Н. Толстого // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». - 2008.
15. **Тарасов А. Б.** Праведничество в художественном мире Л. Н. Толстого// Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». - 2005. - С. 139.
16. **Толстая С.** Любовь и бунт. Дневник 1910 года. - СПб: Азбука -Аттикус, 2013. - 416с. (Серия « Персона»). - Тираж: 3000 экз.

17. **Толстовский листок.** Толстой и о Толстом. Вып. 1/ Сост. В.А. Мороз.- 2-е изд.- М.: Изд-во "Пресс-Соло", 1995. - 116 с.
18. **Толстой С.Л.** Федор Толстой Американец. - М.: Современник, 1990. - 64 с.
19. **Толстой Л.Н.** Война и мир. Краткий пересказ. Анализ текста. Сочинения. 10 кл.: Справочное пособие/Авт. - сост. Н.В. Сенчина. - М.: Дрофа, 1997. - 192 с.- (Школьная программа)
20. **Л.Н. Толстой** в фотографиях современников.- М.: Планета, 1970.- 21 открытка.
21. **Толстой С.М.** Толстой и Толстые/Пер. с фр., сост. и коммент. Н.И. Азаровой.- М.: изд-во "Советская Россия", 228 с.

